

Сумароков Александр Петрович

К бессмысленным рифмоторам

Русская критика XVIII-XIX веков. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности N 2101 "Рус. яз. и литература", Сост. В. И. Кулешов. М., "Просвещение", 1978.

OCR Бычков М. Н.

Я не знаю кратчайшего способа стати стихотворцем, как выучившись грамоте, научиться узнати что стопа, а это наука самая легкая, и только трех часов времени требует, начать писать и отдавати в печать. Сей новый и краткий способ уже несколько восприял; но я, желая успеха словесным наукам, оный, всем охотникам мараить бумагу и мучить типографщиков и справщика, больше препоручаю, и ободряю молодых людей: врите, друзья мои, изо всей силы, а я вам порука, что вы не только самых крайних невеж, но и таковых людей, которых учеными почитают, или паче стихотворцами, найдете в числе ваших похвалителей! не пишите только трагедий; ибо в них невежество автора паче всего открывается, и не уповайте на искусство актеров, чая получить во вздоре вашем помощь оных какой успех: дурная женщина и в робе дурна, а хорошая и в телогреи хороша. Всего более советую вам в великолепных упражняться одах; ибо многая читатели, да и сами некоторый лирические стихотворцы рассуждают тако, что никак не возможно, чтоб была ода и великолепна и ясна: по моему мнению, пропади такое великолепие, в котором нет ясности. Многие говорили о архиепископе Феофане {Имеется в виду Феофан Прокопович (1681-1730). Его проповеди имели сатирический уклон, установку на общую доступность.}, что проповеди его не очень хороши, потому что они просты; что похвальней естественной простоты, искусством очищенной, и что глупее сих людей, которые вне естества хитрости ищут? Но когда таких людей много; слагайте, бессмысленные виршесплетатели, оды; лишь только темнее пишите. А ежели вы хотите последовать искренности моей, так учтеся сперва, и то ежели имеете способность, и пишите; но сделайте то с первыми сочинениями своими, что сделал я с своими, девять лет писав, бросьте все оные в печь; сие жертвоприношение Аполлону приятнее будет, нежели издание вашего вздора в печати. Язык наш великого исправления требует, а вы его своими изданиями еще больше портите. Был некогда и я сему подвержен согрешению, которому вы себя подвергаете, и слабые стихи выпустил; но я был то сделать несколько принужден, да они же и выпущены как от ребенка, и не от меня, но от Кадетского корпуса напечатаны, для показания только моего ученичества, а не стихотворства, да в то же время и стихотворцев у нас еще не было и научиться было не у кого. Я будто сквозь дремучий лес сокрывающий от очей моих жилище муз без проводника проходил, и хотя я много должен Расину, но его увидел я уже тогда, как вышел из сего леса, и когда уже парнасская гора предъявилася взору моему. Но Расин - француз и в русском языке мне дать наставления не мог. Русским языком и чистотою склада, ни стихов, ни прозы, не должен я никому, кроме себя: да должен я за первыя основания в русском языке отцу моему, а он тем должен Зейкену {Зейкин И. А. (венгр), выписанный Петром I в учителя царевичу Алексею Петровичу, затем преподававший в доме Нарышкиных в учивший отца Сумарокова грамоте.}, который выписан был от государя императора Петра Великого в учителя, к господам Нарышкиным и который после был учителем государя императора Петра Второго. Не подумайте вы, что я из ревности вас отвращаю от стихотворства; вы знаете, что я к тому ни малейшей не имею причины, и что ущерб чести моей быть не может, когда мои сограждане хорошо стихи писать будут. Я люблю наш прекрасный язык, и стал бы радоваться, ежели бы, познав одного красоту в нем, русские люди больше нынешнего упражнялись и успехи получали, и чтобы не язык, но свое нерадение обвиняли: но, любя язык русской, могу ли я такая похваляти сочинения, который его безобразят? лучше не имети никаких писателей, нежели имети дурных. И сие одно нашему языку делает насилие, когда писатели разносити литер не умеют, о чем может быть им и в мысли не впадало, да и сам я в тончайшее одного рассмотрение вшел недавно. Не знаю кому, или лучше не хочу сказать кому, не показалася литера I и того же произношения литера И; и для того уставил он новое и странное правило очень часто применять ее в литеру Е. А то еще и страннее, что многие правилу сему, ни на естестве языка, ни на древних книгах, ни на употреблении основанному следуют, то только в доказательство приемля: *так* сказал Пифагор; а Пифагор московского наречия не знает, ибо он родился в деревне такова уезда, где говорят не только крестьяне, но и дворяне очень дурно; а мы москвитяне должны ли сему правилу повиноваться, хотя бы оно золотыми литерами напечатано было? *Достоин* называется *достоем*, *бывший* - *бывшей* и пр. Все, которые в русском языке сильны, в опровержении сего со мною согласны; не отравя ли такие правила нашему языку? Правописание наше подъячие и так уже совсем испортили. А что свойственно до порчи касается языка; немцы насыпали в него слов немецких, петиметры - французских, предки наши -